

Мифология клиента нашего времени¹

Гамлет: Вы видите вон то облако, почти что вроде верблюда?

Полоний: Ей-богу, оно действительно похоже на верблюда.

Гамлет: По-моему, оно похоже на ласточку.

Полоний: У него спина, как у ласточки.

Гамлет: Или как у кита?

Полоний: Совсем как у кита.

В. Шекспир

Разумеется «миф» мы понимаем не как ложь и выдумку, но как некий способ структурирования и осмысления действительности.

В.Н. Цапкин

1. «Когда грек не в эпоху скептицизма и упадка религии, а в эпоху расцвета религии и мифа говорил о своих многочисленных Зевсах или Аполлонах, когда некоторые племена имеют обычай надевать на себя ожерелье из зубов крокодила для избежания опасности утонуть при переплытии больших рек, когда религиозный фанатизм доходит до самоистязания и даже до самосожжения, то весьма невежественно было бы утверждать, что действующие тут мифические возбудители есть не больше как только выдумка, чистый вымысел для данных мифических субъектов. Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность»². Прав ли Алексей Федорович? Да если и прав, то какое отношение это имеет к нашему времени, к психологии, к психотерапии, наконец? «Психотерапия — прежде всего практика»³. Однако, совсем немного перефразируя, получаем: «Психотерапия — прежде всего миф». Мысль не самая оригинальная, но значимая.

Каким бы ни был концептуальный подход, консультант-психотерапевт неизбежно сталкивается с проблемой представления клиенту собственной концепции психотерапии, с введением некоей единой системы понятий, однозначной «мифологии», известной и терапевту и клиенту. Термин «психотерапевтический миф» уже давно употребляется в западной психологии. Под мифом понимают специально сформулированные для клиента психологические знания, объясняющие суть проблемы и процесс лечения. И хотя в литературе подвергается критике так называемая индоктринация, т.е. навязывание терапевтом клиенту тех или иных концептуальных идей в результате жесткой установки, вызываю-

1 Статья опубликована в журнале «Вопросы психологии», №1, 1999 г.

2 Лосев А.Ф. Дialeктика мифа // В кн.: Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. М., 1991. С. 24.

3 Папуш М.П. «Я» и «Ты» в гештальттерапии: Аксиологический анализ концепции невротических механизмов // Моск. психотерапевт. журнал. 1992. №2. С. 41.

щей сопротивлению клиента и мешающей психотерапевтическому процессу, ненамеренная индоктринация обязательно присутствует в любой психотерапии. Более того, практически всегда клиент, окончив лечение, усваивает теорию психотерапии, предъявляемую ему терапевтом⁴.

Тем не менее все было бы достаточно просто и ясно, если бы клиент представлял собой некую «*Tabula rasa*». На деле же клиент, как правило, приходит к консультанту-психотерапевту со своей «мифологией». У него есть не только свой «самодиагноз», но и нередко цельная интраконцепция его страдания и соответствующая ей форма избавления от него. Точнее будет сказать, что в психотерапевтическом процессе скрещиваются пути, как минимум, трех мифологических систем: профессиональной мифологии психотерапевта и личностных мифологий пациента (клиента) и психотерапевта⁵.

Причем, современная российская действительность такова, что интраконцепции клиентов, как и массовое сознание в целом, содержат большую, разнородную, во многом противоречивую массу идей, взглядов, представлений и иллюзий. В этом мутном потоке совершенно неудивительно всплывание на поверхность различных концепций представителей «окультурной» психотерапии и других «целителей» человеческой души.

Недавнее изучение рынка психотерапевтических услуг, проведенное московским врачом-психотерапевтом Н.Н. Нарицыным показало, что настоящего цивилизованного рынка у нас нет. Есть базар. Примерно 60% представителей «окультурной» психотерапии — это люди, прослышавшие о том, что психотерапевты будто бы много зарабатывают, и в целях личной наживы объявившие себя биоэнерготерапевтами, магами, колдунами, экстрасенсами, целителями, а также «психологами» и «врачами».

Как правило, это вполне здоровые психически, предприимчивые граждане, умело жонглирующие наукообразными фразами... Еще примерно 30% таких «психотерапевтов» сами находятся за гранью психопатологии... К сожалению, есть и группа врачей и психологов, видимо, потерявших веру в возможность выжить в условиях «смутного времени». Отчаявшись, они пытаются на свои профессиональные знания напустить туман оккультизма. И плодятся сочетания типа: «врач-энерготерапевт», «врач-экстрасенс, магистр оккультных наук», «маг-психолог» и т.п.

В последнее время заметна еще одна тенденция — появление (а точнее возрождение) христианской психотерапии, в т.ч. и уход отдельных врачей в христианство, пересечение религии и психотерапии.

Крайне распространенными стали и различные восточные философско-религиозные концепции (йогизм, дзен-буддизм и т.д. и т.п.), широко предлагающие исцеление души и тела. Гораздо ближе к мистицизму, чем к науке, несмотря на проникновение в серьезные психологические журналы, по-прежнему стоит

4 Огинская М.М., Розин М.В. Мифы психотерапии и их функции // Вопросы психологии. 1991. №4. С. 10.

5 Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Моск. психотерапевт. журнал. 1992. №2. С. 28.

парапсихология, но и она берется за лечение страждущих. Предложение же и спрос всегда были сторонами одной медали. Личностно-профессиональная мифология «помогающих» лишь обратная сторона личностной мифологии ищущих помощи. Тем более, что наше время дало возможность вчерашнему клиенту сегодня назвать себя «терапевтом». Не умножая далее количество примеров, попытаемся классифицировать концепции, формирующие, составляющие мифологию клиента нашего времени.

В современной России выделяется по меньшей мере семь основных мифологий клиента (интраконцепций, «мифов о помощи»)⁶:

1. Житейский миф.
2. Философский миф.
3. Религиозный миф.
4. Оккультный миф.
5. Медицинский миф.
6. Психологический миф.
7. Псевдонаучный миф.

Естественно, что каждый из них может быть разбит еще на ряд «подмифов», на которых мы пока не будем останавливаться.

Каждую интраконцепцию (миф) можно описать с помощью ряда постоянных характеристик. В наиболее общем виде таких характеристик только две: во-первых, это — ответ клиента на вопрос: «Что со мной происходит?», его представление о природе страдания, другими словами формулировка вторичной потребности; часто следующей за блокировкой первичной потребности (в безопасности, любви и т.д.), во-вторых, это имя субъекта, избавляющего от страдания, указывающего путь к избавлению, по сути — имя субъекта, удовлетворяющего потребность.

Используя данные константы, кратко опишем каждый из семи вышеназванных мифов.

Итак, житейский миф. Формулировка потребности в данном мифе часто заключается в такой фразе: «Мне нужен совет...» или «Мне нужно выговориться...». Субъектом же, удовлетворяющим эту потребность, может быть, в зависимости от ориентации клиента или обстоятельств, друг, мудрый сосед (внесемейный подмиф), либо родители, супруг (супруга) (семейный подмиф), а иногда и случайный вагонный попутчик.

6 Вероятно к выделенным Наричыным трем группам различных «оккультных» психотерапевтов можно добавить по меньшей мере еще две. Тогда в целом картина становится примерно следующей: 1 группа — предприниматели (а зачастую и мошенники), 2 группа — психически больные люди, 3 группа — врачи и психологи с оккультным имиджем, 4 группа — люди, идущие в психотерапию для удовлетворения собственных влечений «Я» (например, комплекса превосходства и т. п.), 5 группа — искренне верящие в эффективность подобной помощи люди с «оккультным» сознанием. Не исключается, естественно, и некая смесь разных мотивов у одного и того же «психотерапевта». (Наричын Н.Н. Московский рынок психотерапевтических услуг, или базар по-русски // Психологический журнал. 1994. №2 С. 177.)

В философском мифе формулировка потребности может звучать так: «Я не понимаю чего-то в жизни... нуждаюсь в объяснении...». При более материалистической, рациональной ориентации клиента субъектом мифа становится ученый (западный подмиф) или объект, приобретающий значение субъекта, — книга, журнал, т.е. по сути то же философское знание, фиксированное в языке, слове (письменном, печатном).

При более идеалистической, эмоциональной ориентации клиента субъектом скорее становится некий гуру-учитель (восточный подмиф).

Религиозный миф представляется клиентом в таких конструкциях: «Я нуждаюсь в вере... меня наказал Бог... спасение в Боге». Субъект же мифа здесь может быть как индивидуальным (священнослужитель), так и коллективным (община, религиозное общество). Кстати здесь более, чем в других мифах возможно существование ирреального субъекта мифа, «прямой» контакт с субъектом, избавляющим от страдания, но не представленным в реальности⁷.

В оккультном (мистическом) мифе языковая конструкция может быть следующей: «Меня сглазили... наслали порчу...». Субъектом же избавляющим от «сглаза» естественно становится колдун, знахарь, ясновидящий...

Во многом медицинский подход, особенно касающийся не органических, а так называемых функциональных нарушений также мифологизирован. Клиент заявляет себе: «Я болен...» и требует врача (врачебный подмиф) или целителя (подмиф народного целительства).

В психологическом мифе формулировка потребности звучит примерно следующим образом: «У меня психологическая проблема...», соответственно нужен психолог, который может в ней разобраться.

Псевдонаучный миф, сам по себе крайне не однороден, однако наиболее мощными его ветвями являются, пожалуй, парапсихология и астрология. Соответственно страдание объясняется в биоэнергетических, сенсорных и иных терминологических вывертах, либо «проще»: «Сегодня неблагоприятное расположение звезд... Марс вошел в Луну» и т.п.

Конечно все интраконцепции клиентов нашего времени не могут быть строго изолированными и зачастую пересекаются и объединяются. К тому же к ним неминуемо начинают примыкать и более материальные вещи — социальная, правовая и иные виды помощи.

Собственно здесь можно было бы поставить и точку. Однако наше изложение во многом теряет смысл без попытки ответа на два извечных вопроса: «Кто виноват в том, что сложилась такая ситуация?» и «Что же нам делать?».

7 Несколько забегая вперед можно сказать о том, что ирреальный, фантазийный субъект помощи существует и в других мифах. Например, лечение по высланной за сотни километров фотографии или психотерапия по телефону и т.п. Собственно говоря доля ирреальности, фантазийности, присутствует и в обычном «face-to-face counseling».

2. Пытаясь ответить на вопрос о том, как сформировалась сегодняшняя мифология клиента, мы прежде всего сталкиваемся с таким философским понятием, как общественное сознание, которое употребляется очень широко и зачастую без дефиниции самого термина⁸.

По представлению В. Маркевича, общественное сознание — это «совокупность или комплекс идей, ценностей, позиций, взглядов и убеждений общих для целых социальных групп (национальных, классовых, религиозных, профессиональных и т.д.), определяющих способ мышления данного общества, институированных и утвердившихся в исторически сформировавшихся формах коллективной жизни»⁹.

Говоря об общественном сознании в связи с интраконцепциями в психотерапии, просто невозможно обойти стороной еще два понятия: уровни и формы общественного сознания.

Уровнями общественного сознания являются обыденное, эмпирическое сознание, непосредственно вырастающее из повседневных условий жизни масс, отдельных социальных групп (общественная психология), и научно-теоретическое сознание, включающее идеологию.

Как известно, формы общественного сознания — это специфическое отражение различных сторон общественного бытия¹⁰, включающее политическое и правовое сознание, мораль, религию, искусство, науку, философию¹¹.

В массовом сознании обыденно-психологический и теоретико-идеологический уровни общественного сознания переплетены. И наша сегодняшняя беда — превалирование оккультной мифологии — возможно заключается в том, что, во-первых, обыденный уровень сознания преобладает в массовом сознании над научно-теоретическим уровнем, во-вторых, сам обыденный уровень заполнен целым рядом идей, которые не согласуются с психологической, психотерапевтической парадигмой, и в третьих — на научно-теоретическом уровне существует масса не интегрированных, а зачастую и противоречивых концепций. Причем в психотерапии сталкиваются не столько разные типы научного знания (хотя и они тоже), сколько разные мировоззрения, культуры, разные жизненные правды, основывающие свою специфическую этику и «философию жизни», а это уже вопросы скорее веры, мифологии, чем науки¹².

В данном контексте для профессионалов, работающих в сфере психологии и психотерапии, существенно важно знание о значении, путях формирования и проникновения в массовое сознание определенных мифов.

8 Я вполне отдаю себе отчет о тривиальности обсуждаемых здесь понятий для философа-теоретика, но считаю совсем не лишним представить их на рассмотрение психолога-практика (врача-психотерапевта).

9 Маркевич В. Состояние общественного сознания и факторы его определяющие // Общественное сознание и проблемы социальной активности. М., 1990. С.5.

10 Николаева Л.В. Общественное сознание и его структура. М.: Изд-во МГУ, 1973. С. 12.

11 Философский словарь. М., 1986. С. 331.

12 Цапкин В. Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Моск. психотерапевт. журнал. 1992. № 2. С. 17.

Первичным назначением «мифа», вероятно, является структурирование картины мира и места человека в нем. По этому поводу Фромм пишет: «Человеку нужна система координат, некая карта... без которой он может заблудиться и утратить способность действовать целенаправленно и последовательно... И совершенно неважно, во что именно он верит: считает ли он главной причиной всех событий магию и волшебство или думает, что духи его предков направляют его жизнь и судьбу; верит ли он во всемогущего Бога, который вознаградит его или накажет, или же в силу науки, которая способна разрешить все человеческие проблемы, — это безразлично, просто человек) необходима система координат, жизненных ориентиров, ценностных ориентаций...

Потребность в системе ценностных координат так велика, что только ею одной объясняются некоторые факты, повергавшие в изумление уже многих исследователей проблемы человека. Например, разве не заслуживает удивления то обстоятельство, что человек с такой легкостью оказывается жертвой иррациональных доктрин политического, религиозного или какого-нибудь иного толка, в то время как для людей, не находящихся под их влиянием, очевидно, что речь идет о совершенно бесполезных концепциях. Отчасти этот факт объясняется гипнотическим влиянием вождей и внушаемостью человека. Но для большей части феноменов подчинения этого объяснения недостаточно. Возможно, человек был бы менее подвержен влияниям, если бы он не обладал такой огромной потребностью в заданной системе координат. Чем больше идеология утверждает, что она может на все вопросы дать непротиворечивые ответы, тем она привлекательнее. Здесь, возможно, следует искать причину того, почему иррациональные или даже явно сумасшедшие системы идей обретают такую притягательность»¹³.

Способом существования и проявления массового сознания (массовой картины мира) является общественное мнение. Формирование же последнего происходит как целенаправленно — в результате воздействия политических организаций и социально-классовых институтов и учреждений на сознание масс, так и стихийно — под непосредственным влиянием жизненных обстоятельств, социального опыта и традиций.

На сегодняшний день неприемлемым, как для идеологической верхушки общества, так и для собственно теоретиков и руководителей-практиков, работающих в психологии и психотерапии, является тот факт, что средства массовой коммуникации буквально захвачены апологетами оккультизма и иных концептуальных подходов, не имеющих отношения к научной психотерапии. (Например, ряд показов колдунов на ТВ; глобальные астрологические предсказания в печати; массовые сеансы «исцелений» и т.п. и т.д.)

Иными словами идет целенаправленное воздействие на сознание масс, а наши «рыночные» жизненные обстоятельства стихийно подкрепляют это воздействие.

13 Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 201.

Нельзя сбрасывать со счетов и культурную традицию. Знахари, ведьмы, колдуны, крестная сила буквально составляют часть архетипа русского коллективного бессознательного, да и собственно сама психотерапия имеет общие корни с «Magic thinking». Не было ли то, что делал древний охотник в ритуальной пляске перед изображением зверя, на которого шел охотиться, одним из первых психотерапевтических действий? Разве не психотерапевтическими являются по своей сути ритуалы прощания с усопшим, его похорон и поминовения, исповеди и причащения перед смертью¹⁴?

Теперь отчасти нам ясно, почему различные «мифологии», причем и явно иррациональные, так устойчиво занимают массовое сознание.

Парадокс заключается в том, что ни один из представленных нами мифов нельзя назвать психотерапевтически недействующим, абсолютно «плохим», вредным, ибо сразу же возникает вопрос о критериях этой «плохости»... Правда один из критериев, вероятно, не вызывает сомнения — это критерий этический, нравственный. Ибо может быть нравственен и «колдун», и безнравственен дипломированный психотерапевт. (Хочется верить, что среди последних таких мало.)

Однако, это не значит, что следует оставить все как есть, положившись лишь на естественный ход событий. В сегодняшних обстоятельствах представители научно-теоретического знания (психологи и психотерапевты) просто обязаны объединить усилия и противопоставить воздействию оккультизма и некоторых других концепций свое целенаправленное воздействие. Тем более, что «контаминация» сознания уже коснулась и психологических кругов, некоторые дипломированные специалисты сегодня вполне серьезно налаживают «связи с космосом» и черпают оттуда «биоэнергию» для помощи своим клиентам.

Наше время напоминает, пожалуй, ситуацию перехода с конной тяги, с извоза, на автомобиль. Да можно «ездить» и по старинке на «извозчике», и многие наши клиенты это предпочитают. Однако не мешает для начала хотя бы дать им знание о существовании «автомобиля», иначе подготовленные специалисты еще долго будут пребывать в состоянии растерянности и не востребоваемости, а «извозчики» собирать огромные аудитории, приносящие им деньги, и отдающие, не задумываясь, душу и разум во власть сомнительному мифу.

Следует учесть, что не минуемо и сотрудничество между представителями отдельных концепций¹⁵.

В любом случае перед профессионалами стоит еще один более практический вопрос, который касается тактики работы с клиентом, имеющим иную, отличную от врачебной или психологической мифологию.

14 Каган В. Янусово мышление в психотерапии // Психотерапевтические тетради. Вып 1, Спб, 1993. С. 31.

15 Например, в западных странах успешно взаимодействует психотерапия и пасторское наставление. Одной из причин этого сотрудничества на наш взгляд является то, что и религия и психотерапия — части официальной идеологии.

3. Изучая данную проблему, мы пришли к выводу о том, что существует, по меньшей мере, четыре пути взаимодействия с клиентами, представляющими разные «мифы». Каждый из этих путей имеет свои положительные и отрицательные стороны, свои преимущества и возражения против данного пути¹⁶.

Итак, тактика первая: перевод клиента в психологический миф. Психолог-психотерапевт «играет на своем поле», предлагая свою концепцию вместо концепции клиента, занимаясь, по сути, индоктринацией. Однако в этом случае возникает проблема адекватного словаря психолога-психотерапевта. (Например, некоторые наши коллеги высказали остроумные замечания, называя депрессию — сглазом, стресс — порчей и т.п.) Возникают и серьезные возражения против данного подхода, особенно тогда, когда клиент ригиден в своих установках и не хочет принимать никакой другой позиции. Для него она чужда и неэффективна в объяснении его страдания, а значит и в помощи ему.

Следующей возможной тактикой является работа в мифе клиента. Становится реальным такое продолжение диалога с клиентом: «У вас порча? Что же, сейчас мы ее снимем...» Но не попадает ли в этом случае психотерапевт в не совсем этичную ситуацию? И как к нему должен будет обращаться следующий клиент, как к представителю науки или как к магу-колдуну?

Другой возможный путь — это оставление клиента в его мифе, работа психолога в своем ключе, без центрации внимания на интраконцепции клиента. Однако возникает ли в таком случае «терапевтический альянс», о котором так много пишут, особенно в зарубежной литературе. Возникает ли сходство переживаний, мыслей, взаимопонимание партнеров по диалогу? Конгруэнтен ли психотерапевт и будет ли такая помощь эффективна?

Наконец, возможно и направление клиента к другому «специалисту», представителю соответствующего мифа. Правда психотерапевт рискует войти в противоречие с собственными установками, мировоззрением, направляя клиента к какому-нибудь астрологу или хиропрактику. Возникают проблемы этики перекладывания ответственности.

Удивительно, но еще один парадокс нашего времени заключается в том, что люди работающие в разных мифах, зачастую на деле используют одни и те же или сходные приемы работы. Скажем, человек с оккультным имиджем применяет в своей практике эриксоновский гипноз, «ясновидящая» — приемы нейролингвистического программирования и т.п.

Некоторые методы, такие как аутогенная тренировка и медитация попали и в издания мистиков, и в солидные научные книги. Не значит ли это, что «грамотному мистик», имеющему психотерапевтическую подготовку, в отдельных случаях можно и доверить клиента? Наряду с этим существуют «целители» крайне безграмотные, несущие явный вред человеку попадающему к ним в руки.

Решением проблемы возможно стало бы выделение психотерапии в отдельную профессию, естественно предполагающее специальное образование (не обязательно врачебное) и лицензирование, с параллельным запретом на деятельность, связанную с воздействием на психическую сферу человека для всех лиц, не имеющих соответствующего статуса.

В заключение приходится признать, что единой тактики работы с клиентами, представляющими разные мифологии, по-видимому нет и быть не может, так как индивидуальность клиента как и индивидуальность консультанта-психотерапевта накладывают на ситуацию свой неповторимый отпечаток. Однако представление о многовариантности мифологии клиента нашего времени, понимание уникальности ситуации взаимодействия с клиентом, как и рефлексия собственного «Я» терапевта представляется необходимой частью консультативного и психотерапевтического опыта.